

УКРАИНСКИЕ КЕЙСЫ

Л. В. Бех**ИЗДЕЛИЯ ТОНКОЙ КЕРАМИКИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИМОРФИЗМА
УКРАИНСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА 17 ВЕКА**

Исследование особенностей бытования фарфоровых и тесно связанных с ними фаянсовых изделий на украинских землях в 17 веке актуализируется в современных условиях тотального разрушения украинского фарфорового производства. Исчезновение ведущих заводов и нарушение непрерывности процесса высокопрофессионального фарфорового производства остро ставит вопрос о традиционном месте фарфора в украинском культурном пространстве. Для осмысления современной ситуации необходимым представляется обратиться к истокам формирования местной традиции восприятия и бытования тонкокерамических изделий. В 17 веке на территории современной Украины, которая с золотоордынских времен была знакома с привозными тонкокерамическими изделиями, начинают очерчиваться преимущественные сферы бытования фарфора и сопутствующего ему фаянса, а также предпринимаются первые попытки организации собственного производства. Украинская культура фарфора, сформировавшаяся на стыке европейской и азиатских традиций, имеет ряд специфических, «порубежных» черт, определить которые мы и попытаемся в данной статье.

Принципиальной для нашего исследования особенностью украинского культурного пространства в рамках обозначенной хронологии является его многовекторность и разнообразие, по меткому определению Джованны Броджи-Беркофф — «полиморфизм». Итальянская исследовательница использует этот термин для обозначения специфики многоликой культурной жизни Украины 16–17 веков, считая первую, с одной стороны, историческим наследием времен Киевской Руси, а с другой — своеобразным защитным механизмом в условиях угрозы распада не до конца сложившейся культурной общности [12, с. 10]. Эту позицию поддерживает в своих работах и известный отечественный историк Наталья Яковенко, которая вслед за итальянской коллегой использует данный термин для характеристики украинского культурного пространства 16–17 веков. Действительно, украинскую культурную жизнь указанного периода отличает многосоставная внутренняя структура, которая питала местные традиции от «латинского», «московского» и «тюркского» течений, что в свою очередь порождало разнообразие ее внешних форм. Украинская территория существовала на пересечении трех миров: латинско-европейского, православно-

европейского и азиатского, представляя уникальную западно-восточную культурную смесь. Это полиморфическое пространство определяло и специфику бытования фарфора, и дальнейшую судьбу этого керамического материала в лоне украинской культуры.

Вместе с тем, считаем необходимым подчеркнуть, что для определения специфики быта украинской элиты указанного периода отчасти будут использоваться материалы, относящиеся к польской шляхте. Это представляется целесообразным исходя с одной стороны, из понимания общности украино-польского культурного пространства, а с другой — из тезиса о размытости понятия «поляк». Как известно, с 16 века словом «поляк» обозначали не только собственно этнических поляков, а любого жителя Речи Посполитой [6, с. 15].

16–17 века стали временем как общественно-экономических, так и культурных преобразований на территории Украины. В то время ядром украинской княжеской аристократии становится Волынь. Многочисленные аристократические семьи Острожских, Заславских, Вишневецких, Сангушко и др., обустривают собственные резиденции, которые превращаются в значительные культурно-художественные центры. Князья становятся полноправными хозяевами на подвластных им территориях, представляющих собой своеобразные «государства в государстве». Военное могущество и богатство аристократии обеспечивали ей привилегированное положение и определенную политическую самостоятельность. Так, например, Константин Острожский при необходимости мог собрать войско в 20 000 человек, а его наследник Януш Острожский к началу 17 века имел в казне сумму равную двум годовым бюджетам всей Речи Посполитой [13]. Поэтому неудивительно, что мощная и богатая украинская элита того времени в обустройстве собственного быта обращалась к опыту Запада, который постепенно становится все более близким и понятным, активно входя в пространство «своего» мира. Однако, вместе с тем, следует отметить факт распространения в это время на территории Речи Посполитой этнически-культурной концепции сарматизма, согласно с которой польская шляхта, а вместе с ней и украинская, выводила свои корни от воинственного племени сарматов. Данная концепция в общеевропейском лоне делала более выразительным своеобразие культурного пространства как Речи Посполитой в целом, так и украинской шляхты в частности. Ориентация на предков-сарматов наложила отпечаток и на стиль повседневной жизни, проявившись, например, в специфике костюмов, оформлении банкетов, показательной роскоши и экзальтированном гостеприимстве. Восточный эталон красивого, который был неотъемлемой частью украинской культуры, прослеживается и в склонности к непомерной роскоши трапезы и обилии столового серебра, которое в поистине колоссальных размерах встречается в описях имущества указанного периода.

В «Описании Украины» (1648 год) Гийом Левассер де Боплан отмечает, что в своих обычаях польская шляхта во многом похожа на французов, которых любят и уважают в Речи Посполитой, однако вместе с тем, описывая местные пиры, осуждает магнатов за непомерные расходы и избыточность пищи, не отличающейся особой изысканностью. Исходя из текста Боплана, можем сделать вывод об использовании во время трапезы большого количества стеклянной и серебряной посуды. Обеденные столы ставили в просторном зале, где находились credenсы с большим количеством серебряной утвари. Боплан отмечает, что стопки серебряных тарелок были настолько велики, что возвышались в рост человека. Перед началом трапезы в центре зала двое мужчин держали значительных размеров позолоченный сосуд, предназначенный для омовения рук. На столы, накрытые роскошными скатертями, ставили посуду из позолоченного серебра, а в высоких стеклянных кувшинах подавали пиво, также во время трапезы подавали и вино. Напитки ставили в серебряных графинах или стеклянных пугарях [2, с. 149, 156 – 161].

Несмотря на преобладание металлической посуды, в документах указанного периода фигурируют также сосуды из хрусталя и венецианского стекла и, что особенно важно для нашего контекста, тонкостенные керамические изделия. Так, в описании имущества Януша Острожского упоминаются фарфоровые сосуды, оправленные в серебро, а также группа турецких фаянсов [3, с. 396]. Таким образом, можем говорить, что среди украинской аристократии 16–17 веков была известна общеевропейская мода на редкие привозные изделия из фарфора, которые хранились в сокровищницах и оправлялись в драгоценные металлы. Однако это эхо европейской фарфоромании не заставило представителей украинской элиты превратиться в страстных поклонников и коллекционеров «белого золота». Архивные документы этого времени не пестрят упоминаниями о фарфоре, к тому же и в количественном отношении последний никак не может равняться с изделиями из металла. Вместе с тем, еще одним свидетельством вхождения фарфора в украинскую реальность благодаря распространению европейской моды является попытка организации собственного фарфорового производства. Так, в 70-80-х годах 17 века, в королевской резиденции Яна III Собеского в городе Жовкве и его округе было основано производство фаянса и мягкого фарфора, что кажется вполне закономерным, если учесть, что супруга Яна III приходилась родственницей французскому королю Людовику XIV [11, с. 54]. К сожалению, нам не удалось найти каких-либо непосредственных указаний на специфику использования фарфора в украинском быту 17 века. Вместе с тем, А. Тищенко, характеризуя украинский интерьер середины 16 – середины 17 веков, отмечает, что неотъемлемым их украшением были полки, на которых выставляли красивую металлическую, стеклянную и керамическую посуду

[8, с. 81]. Поэтому можем гипотетически предположить, что среди «красивой керамической посуды» фигурировали и ценные привозные изделия из фаянса и фарфора.

На специфику бытования иностранных фарфоровых и фаянсовых изделий, как в среде зажиточной шляхты, так и богатых аристократических семей, повлияли также местные традиции керамического производства, связанные с оформлением интерьеров. Речь идет об использовании изразцов для оформления печей. Из описаний Острожского замка первой четверти 17 века известно, что декорированные расписными изразцами печи находились почти во всех комнатах деревянного дворца. Кроме того, в замке были также печи, украшенные монохромной зеленой глазурью и печь итальянской работы [5, с. 220]. О широком распространении декорированных изразцами печей свидетельствует в своем описании Украины и Павел Алеппский, отмечая, что монастырские кельи были «разрисованы и расписаны красками и украшены всякими картинами и превосходными изображениями, снабжены столами и длинными скамьями, каптурами, печами (...) с красиво расписанными изразцами» [1, с. 44]. В данном контексте важно вспомнить об особой роли камина в организации внутреннего пространства европейских помещений этого времени. Оформлению каминов уделяли значительное внимание, украшая их пышным лепным декором, а с распространением моды на фарфор — разнообразными фарфоровыми изделиями, которые размещали вокруг каминов на кронштейнах или каминных полках. Такой «фарфоровый угол» постепенно становится традиционным для европейских интерьеров. В Украине, как и в России (на последнее обращает внимание Н. Сиповская [7, с. 57]), доминантой внутреннего пространства дома традиционно были не камины, которые с распространением европейской моды проникают и в быт украинской элиты, но все же изразцовые печи. Украшенная нарядными расписными изразцами печь была абсолютно самодостаточной и не требовала дополнительной отделки, поэтому не представляла, в отличие от камина, широких возможностей для размещения дополнительных украшений, в том числе и дорогой посуды. Кроме того, печь являлась достаточно сильным «керамическим аккордом» в общем звучании интерьера, что на наш взгляд сдерживало переполнения тонкокерамическими изделиями жилых помещений. Это не означает, что изделия из тонкой керамики не использовались для декорирования интерьеров, однако их присутствие было ограничено. Подходящими для фарфоровых экспозиций были уже упомянутые полки и поставцы, а с дальнейшим расширением мебельного ассортимента в 18 веке, например, комоды.

Достаточно ценные сведения для определения специфики бытования художественной керамики в лоне украинской культуры содержат уже упомянутые записки Павла Алеппского. Описывая встречу антиохийского патриарха Макария с Богданом Хмельницким, Алеппский отмечает, что гетману была поднесена водка высшего сорта в серебряном

кубке, однако еду на стол подавали в расписных глиняных блюдах [1, с. 35]. Частично такой выбор объясняет сам Алеппский, подчеркивая врожденную скромность гетмана, а также отмечая, что у каждого из слуг Хмельницкого было по несколько сундуков, наполненных серебряной и золотой посудой, однако они пренебрегали ею в походах, используя только дома [1, с. 35]. Действительно, известно, что жена Звягельского полковника принимая польских послов «на серебре», упрекала гетмана в том, что он не живет роскошно [10, с. 16]. Не отвергая аргументации Алеппского, все же считаем возможным сделать некоторые уточнения. Во-первых, следует обратить внимание на то, что в казацком быту значительную роль играли разнообразные дорожные приспособления для транспортировки посуды. В документах этого времени часто фигурируют погребцы и дорожные шкатулки, в которых перевозили хрустальную, стеклянную и оловянную посуду (последняя пользовалась особым спросом) [4, с. 202]. Таким образом, не было необходимости отказываться от привычной и как раз в дорожных условиях достаточно удобной металлической посуды (для торжественных случаев — серебряной и позолоченной, в повседневном быту — оловянной). Во-вторых, необходимо указать на традиционно закрепленную за посудой для питья репрезентативную функцию, которая возвышала её над другими посудными формами. Поэтому зачастую дорогие серебряные и позолоченные кубки соседствовали на столе широко употребляемой оловянной или как в данном случае керамической посудой. Соответственно, вполне естественно, что выбрав скромные керамические блюда, кубок гетман все же предпочел серебряный. Таким образом, считаем возможным предположить, что использование керамической посуды может свидетельствовать о сознательной демонстрации гетманом патриарху отречения от мирских ценностей, и подчинения светской власти церковной, недаром Хмельницкий уступает Макарию центральное место за обеденным столом. Итак, керамическая посуда используется не в качестве репрезентативной утвари, подчеркивающей достаток владельца, а, наоборот, для акцентирования скромности, неприхотливости и равнодушия к роскоши. Однако, вместе с тем, за столом гетмана используют не простую, но все же расписную керамическую посуду (местного или иностранного производства), которая, не демонстрируя роскоши, одновременно подчеркивает нарядность трапезы и вкус хозяина. В таком выборе посуды, не роскошной, но отчасти статусной (не серебро, но и не безлика, лишенная декора глиняная посуда, а посуда художественно оформленная), мы склонны видеть влияние «восточных границ» и ориентального прошлого, тесно вплетенного в национальную традицию.

Еще одна сфера бытования изделий из тонкой керамики была связана с употреблением дорогого заморского напитка — кофе. Традиция употребления кофе на территории Украины имела восточное происхождение, то есть не была результатом заимствования ев-

ропейской моды, а скорее — непосредственного соприкосновения с тюркскими традициями. Так, документы начала 18 века фиксируют форму именованной кофе, которая повторяла турецкое название — «кагве», позже несколько видоизмененную — «кохве» [14, с. 130]. О применении кофе в 17 веке свидетельствует упоминание Алеппского о поднесении патриархом Макарием Богдану Хмельницкому в качестве подарка кофейных зерен с указанием, что гетман любит кофе [1, с. 33 – 34]. Правомерно возникает вопрос о специфической посуде для употребления кофе. Конечно, логично предположить, что чашки для кофе были керамическими, возможно, стеклянными, и с наименьшей вероятностью — металлическими, ведь металлическая посуда особенно неудобна для употребления горячих напитков. Однако, европейская традиция употребления экзотических горячих напитков на первых порах, как мы знаем, была связана как раз с использованием привычной металлической посуды. Частично свет на данный вопрос проливают археологические исследования Вознесенского женского монастыря в Киеве. Среди значительного керамического комплекса, относящегося к 17 веку, здесь выделяется группа турецких фаянсов, среди которых обращает на себя внимание фрагмент фаянсовой кофейной чашки с росписью кобальтом, которую исследователи относят к мастерским Кютахьи. Такие чашки на территории Украины широко известны в городах Северного Причерноморья, а в Киеве были найдены также при раскопках на территории Михайловского Златоверхого монастыря [9, с. 169]. Таким образом, можем предположить, что для употребления «вина ислама» представители украинской знати, следуя турецкой традиции, использовали привозные тонкокерамические изделия.

Итак, изделия тонкой керамики входили в быт украинской элиты 17 века, используя несколько путей, а его укоренения было обусловлено действием различных культурных традиций. Достаточно мощным был, что и неудивительно, европейский импульс, к которому добавился азиатско–традиционный (турецкие границы и местные ориентализированные традиции). В целом, процесс распространения фарфора на украинской территории происходил по общеевропейскому сценарию: от единичных, оправленных в драгоценные металлы, редких изделий к обустройству интерьеров и постепенному отвоеванию места за обеденным столом, которое началось с распространения моды на экзотические привозные напитки — кофе и чай. Дороговизна «белого золота» и связанная с ним статусность способствовали стремлению к обустройству собственных фарфоровых и фаянсовых производств. Итак, достаточно традиционно тонкокерамические изделия в Украине 17 века выполняли репрезентативную и декоративную функции, а также использовались в качестве посуды. Однако в деталях украинский «фарфоровый сценарий» имеет ряд существенных отличий от общеевропейского. И начать необходимого с главного — с уже упомянутого

обилия источников движущего импульса, обусловленного спецификой местного полиморфического культурного пространства. Отсюда и специфическая неоднородность процесса укоренения фарфора в украинском быту. Очевидно, что чем ближе к западным границам, тем ощутимее фарфоровое присутствие и тем более оно «европейское» по характеру: наличие фарфора в хранилищах и обустройство частных фарфоровых производств. Вместе с тем для всей украинской территории, особенно на раннем этапе, характерной была склонность к экзальтированной, в корне ориентальной, роскоши повседневного быта, в котором привилегированное место занимал металл. Причины отсутствия особо пристрастного отношения к фарфору и невозможность назвать какое-то из столетий в истории Украины, территории которой входили в состав влиятельных европейских держав, веком фарфора, представляется возможным связать с неизменным ориентальным присутствием. Близость восточных границ снимала такую актуальную для Западной Европы экзотичность восточного «белого золота». Конечно, как и для европейских стран, для Украины фарфор был материалом «без корней», однако, материалом с конкретной, ощутимой, полнокровной локализацией и не менее конкретной традицией бытования. Художественная керамика за знакомыми и достаточно близкими восточными границами была материалом престижным и статусным, однако все же уступала первое место художественно оформленным изделиям из металла. Поэтому украинской знати не были в такой мере свойственны европейские ажиотаж и фарфоровое безумие. История не сохранила для нас имен одержимых фарфором коллекционеров или страстных искателей ключа к разгадке «китайского секрета», который на украинской территории превратился в «предвестника европейской моды». Фарфор проникал и внедрялся в быт украинской элиты постепенно, не порождая фантастических замыслов и грандиозных затей и не сметая в безудержном порыве местных традиций.

Список источников и литературы

1. Алеппский П. Путешествие антиохийскаго патриарха Макария в Россию в половине XVII века. Описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Вып. 2. (От Днестра до Москвы). — М.: Унив. тип., 1897. — 202 с.
2. Боплан Г. Л. де. Опис України, кількох провінцій Королівства Польського, що простягаються від кордонів Московії до Трансильванії, разом з їхніми звичаями, способом життя і веденням воєн. — К.: Стебеляк, 2012. — 165 с.
3. Грушевський М. Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. — К.: Наукова думка, 1991. Т. 6. — 1995. — 680 с.
4. Ефименко А. Я. Южная Русь: очерки, исследования и заметки. — СПб.: О-во им. Т. Г. Шевченко: Книгопечат. Шмидта, 1905. Т. 2. — 358 с.
5. Історія декоративного мистецтва України: У 5 т. / НАН України ІМФЕ ім. М. Т. Рильського; наук. ред. Т. Кара-Васильєва. — Вінниця: ПП «Едельвейс і К», 2007. Т. 2. — 407 с.

6. Камінський С. А. Історія Речі Посполитої як історія багатьох народів, 1505 – 1795. Громадяни, їхня держава, суспільство, культура. — К.: Наш час, 2011. — 263 с.
7. Сиповская Н. В. Фарфор в России XVIII века. — М.: Пинакотека, 2008. — 392 с.
8. Тищенко О. Тищенко О.Р. Історія декоративно-прикладного мистецтва України (XIII-XVIII ст.) : навч. посіб. для вузів мистецтва та культури. — К.: Либідь, 1992. — 191 с.
9. Чміль Л. В. Ужиткова кераміка XVII ст. з розкопок Вознесенського жіночого монастиря у Києві // Лаврський альманах. Києво-Печерська Лавра в контексті української історії та культури: Збірник наукових праць. — К., 2007. Вип. 17. — С. 164 – 170.
10. Шероцкий К. Очерки по истории декоративного искусства Украины. Художественное убранство дома в прошлом и настоящем. — К.: Тип. С. В. Кульженко, 1914. — 141 с.
11. Школьна О. В. Фарфор-фаянс України ХХ століття: інфраструктура галузі, пром. та екон. політика, орг.-творчі процеси. — К.: Інтертехнологія, 2011. — 400 с.
12. Яковенко Н. Дзеркала ідентичності. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI – початку XVIII століття. — К.: Laurus, 2012. — 472 с.
13. Яковенко Н. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII ст. [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://history.franko.lviv.ua/PDF%20Final/Jakovenko.pdf> (дата обращения: 28.08.2013).
14. Яременко М. Насолоди освічених в Україні XVIII століття (про культуру вживання церковною елітою чаю, кави та вина) // Київська академія. 2012. Вип. 10. — С. 117 – 184.

В. Н. Константинова

ГОРОДСКАЯ И СЕЛЬСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРИАЗОВЬЯ: УСТНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Наряду с региональными идентичностями имеет смысл обратить особое внимание на другие идентичности, исторически формировавшиеся и трансформировавшиеся в контексте урбанизационных процессов. В первую очередь речь идет именно об идентичностях городской и сельской. Для их изучения немалый интерес представляет Северное Приазовье как регион Украины.

С точки зрения урбанизационных процессов Северное Приазовье было и остается регионом весьма специфическим. Достаточно вспомнить, что фактически не имея в последней четверти XVIII в. устоявшихся традиций городского образа жизни (в отличие от, скажем, центральных регионов Российской империи и СССР, давних «городских традиций»), он уже в середине XIX в. превратился в мощный урбанизированный край, причем именно на его городах были «завязаны» и торговля, и сельское хозяйство, и промышленность зна-